

Дара Вейн

A portrait of a man with a long grey beard and a crown, wearing a red robe with gold embroidery and a fur collar. He is holding a sword.

«Тень на пороге царства»

Дара Вейн

«Тень на пороге царства»

<https://litres.ru/74229697>

SelfPub; 2026

Аннотация

В фанфике показаны последние дни Бориса Годунова — время, когда тяжесть власти, голод, слухи о Лжедмитрии и боярские интриги сходятся в одной точке. На фоне надвигающейся Смуты царь, измученный борьбой за удержание государства, находит силы благословить сына и принять неизбежное. Через личные драмы Бориса, его дочери Ксении и близких сподвижников раскрывается трагедия человека, который делал всё, что мог, но оказался бессилён перед вихрем истории.

Содержание

«Тень на пороге царства»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дара Вейн

«Тень на пороге царства»

«Тень на пороге царства»

Снег валил так густо, что даже кремлёвские башни растворялись в белой пелене, будто их и не было. Борис Годунов стоял у узкого окна в своих покоях, не чувствуя холода, проникавшего сквозь дубовые рамы. Он смотрел на занесённую снегом площадь, где ещё вчера кипела жизнь, а сегодня царила странная, тревожная тишина — будто город затаил дыхание.

В комнате пахло воском и старым деревом; на столе лежали донесения — одно страшнее другого. Голод, слухи, беглые крестьяне, бродившие по лесам, и шёпот, становившийся всё громче: «Не по воле Божьей сидит на престоле Борис Фёдорович...»

Дверь тихо приоткрылась. Вошла Ирина, сестра его и вдова царя Фёдора Иоанновича. Лицо её было спокойным, но в глазах читалась усталость, вьёвшаяся в каждую морщинку.

— Борис, — тихо сказала она, — ты опять не спал.

Он криво усмехнулся:

— Когда спать, Иринushка? Пока я сплю, страна рушится.

Она подошла, положила ладонь ему на плечо — лёгкое,

почти невесомое прикосновение, которое он ценил больше любых клятв.

— Ты не можешь удержать всё один. Даже царь — не Бог.

— А если именно сейчас я должен быть и Богом, и дьяволом, и простым плотником? — глухо ответил он. — Смотри. Я строю амбары, раздаю хлеб, приказываю не брать налоги с разорённых уездов... А люди всё равно шепчут, что это кара небесная. Что я — причина всех бед.

Ирина помолчала, подбирая слова, чтобы не ранить, но и не солгать.

— Люди боятся голода, — сказала она. — А когда боятся, ищут виноватого. Ты оказался ближе всех.

Борис стиснул кулаки. Он помнил, как ещё недавно бояре смотрели на него с насмешливым уважением — сильный человек, правая рука Грозного, опора Фёдора. А теперь в их взглядах сквозило ожидание: когда же он оступится? Когда трон под ним зашатается?

— Я не ради власти это взял, — прошептал он, будто оправдываясь перед самим собой. — Я думал: если я стану царём, то смогу удержать Русь от падения. После Ивана Васильевича, после всех этих казней и разорений... Я хотел дать ей передышку.

— Ты и даёшь, — твёрдо сказала Ирина. — Ты делаешь всё, что можешь.

Но он покачал головой:

— Этого мало. Мало строить амбары. Мало раздавать

хлеб. Нужно, чтобы верили. А веры нет.

На следующий день к нему привели дьяка из Новгорода. Тот дрожал не от холода, а от страха — будто сам привёз дурную весть и теперь боялся расплаты.

— Государь, — пробормотал дьяк, кланяясь до пола, — в уездах говорят... будто царевич Дмитрий жив. Будто не погиб он в Угличе, а спасся. И будто идёт он на Москву, чтобы вернуть престол.

У Бориса на мгновение потемнело в глазах. Имя Дмитрия было той самой трещиной, через которую в его царство просачивался холод недоверия. Смерть царевича в 1591 году до сих пор жгла ему память, как раскалённое клеймо: сколько бы комиссий он ни посылал, сколько бы отчётов ни читал, тень подозрения падала и на него.

— Кто говорит? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Все, — выдохнул дьяк. — От купца до холопа. Слух ползёт, как пожар по сухой траве.

Борис медленно опустился в кресло. Он знал, как рождаются такие слухи: из страха, из отчаяния, из желания верить, что придёт «настоящий» царь и всё исправит. И он также знал, что бороться со слухом труднее, чем с войском.

Он поднял голову и посмотрел на дьяка не с гневом, а с горькой усталостью:

— Пусть пишут во все города: кто будет распространять смуту, тот ответит головой. Но пусть также пишут: я, царь

Борис, не оставляю народ в беде. Пусть знают, что я вижу их голод.

Когда дьяк ушёл, Борис остался один. И впервые за долгое время позволил себе слабость: уронил голову на руки и закрыл глаза.

«Прости, Фёдор, — подумал он. — Я старался быть достойным твоего доверия. Я старался не сломать то, что ты оставил».

А в тёмных углах Москвы уже шептались другие слова. Бояре, чьи роды были древнее самого царства, переглядывались и усмехались: «Годунов не Рюрикович. Он выскочка. И если голод — это кара, значит, кара за него».

Один из них, князь Василий Шуйский, стоял у окна своего терема и смотрел на метель, кружившую над городом. В его глазах не было страха — только холодный расчёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.